

Если ехать из Модзи по основной ветке кагосимского направления, то, не доезжая трех остановок до Хакаты, будет маленькая станция Касии. Вправо от этой станции дорога ведет в сторону гор, к синтоистскому храму Касииномия, влево – к бухте Хаката.

Далеко в море тянется узкая коса, соединяющая побережье с гористым островом Сиганосима. Еще дальше в тумане проступает силуэт острова Ноконосима.

Это побережье сейчас называют Касийским взморьем, а в старину оно было известно просто как бухта Касии. Канцлер Отомоно-Табибито, гуляя однажды по берегу, сочинил такие стихи:

На берегу бухты Касии по утрам дети собирают дары моря, увлажняя рукава чистым и белым песком...

Однако современная рациональная действительность чужда такому лиризму королевской эпохи. Холодным утром 21 января, около половины седьмого, по этому берегу шел рабочий. О нет, он не собирал "дары моря", он направлялся на завод в Надзиму.

Только что рассвело. Над морем висел молочно-белый туман. Очертания косы и острова Сиганосима едва-едва проступали. С воды дул ледяной, пахнувший солью ветер. Рабочий шагал быстро, слегка сутулясь, подняв воротник пальто.

Но этому скалистому берегу проходила кратчайшая дорога на завод.

Но вдруг он увидел нечто необычное – два странных предмета на черной каменистой земле. Они были лишними в знакомом пейзаже и портили его.

Солнце еще не взошло. Два холодных тела в холодном бледно-зеленом свете раннего утра. Полы одежды шевелились, словно дрожа от стужи. Ветер трепал волосы. Все прочее было неподвижно. Неподвижные черные туфли. Неподвижные белые таби.

Привычный день рабочего был нарушен. Он свернул с привычной дороги.

Прибежав в город, забарабанил в стеклянную дверь полицейского участка.

- Там... на взморье... лежат двое... мертвые!

- Мертвые?!

Старый полицейский, протирая глаза и зябко поеживаясь, начал застегивать мундир.

- Да-да! Два трупа – мужчины и женщины!

- А далеко?

- Да нет, близко. Я провожу.

- Хорошо Подожди немного.

Старик пришел в себя, записал фамилию и адрес рабочего, позвонил в местное управление полиции. Потом оба поспешно вышли из участка. Было морозно.

На месте происшествия ничего не изменилось. Ветер все так же шевелил волосы покойников. Женщина лежала на спине. Веки плотно сомкнуты, губы чуть-чуть приоткрыты, видна белая полоска зубов. Щеки розовые. Одета в мышинного цвета зимнее пальто, под ним – темно-

вишневое кимоно. Вся одежда в порядке. Поза спокойная. На плотно сжатых ногах чистые, не испачканные землей таби. Рядом – аккуратно поставленные виниловые дзори.

Голова мужчины была повернута в сторону. Цвет лица тоже свежий, розовый, словно у спящего. Темно-синее пальто, коричневые брюки. Черные, хорошо начищенные туфли. Синие, в красную полоску носки.

Трупы лежали совсем рядом. Из трещины в скалах выполз маленький краб и вскарабкался на бутылку из-под апельсинового сока, валявшуюся рядом с мужчиной.

- Видать, влюбленные. По сговору и покончили с собой, – сказал старый полицейский, глядя на умерших. – Бедняги. Молодые еще.

Над морем появился краешек солнца.

2

Касийское полицейское управление сообщило о случившемся в управление полиции префектуры Фукуока. Примерно через сорок минут оттуда на место происшествия прибыла машина. Приехали начальник сыскного отдела, два сыщика, полицейский врач и эксперты.

Трупы сфотографировали очень тщательно, в разных ракурсах. Низкорослый полицейский врач приступил к осмотру.

- И мужчина и женщина отравились цианистым калием. Об этом свидетельствует розовый цвет лица. Очевидно, выпили яд вместе с фруктовым соком.

Врач поднялся с колен и носком ботинка слегка дотронулся до бутылки. На ее дне еще оставалась оранжевая жидкость.

- Когда наступила смерть, доктор? – спросил начальник, пощипывая усики.

- Часов десять назад. После вскрытия установим точнее.

- Так... десять часов назад, – пробормотал начальник, – следовательно, вчера, около десяти вечера. Оба приняли яд одновременно?

- Да. Вместе с апельсиновым соком.

- Холодное место выбрали для смерти, – сказал один из сыщиков. Это был тощий, замученный человек лет сорока трех, в старом, изрядно потрепанном пальто.

- Ну, знаете ли, Торигаи-кун, – врач взглянул на сыщика, – вы рассуждаете с точки зрения живого. А для смерти все едино – холодное место или жаркое.

Если на то пошло, ведь и фруктовый сок не зимний напиток. Возможно, добавил врач, – они были в состоянии аффекта, то есть в состоянии крайнего психического возбуждения, противоположного нормальному.

Сыщики с улыбкой переглянулись: ну вот, пошел козырять научными терминами!

- Не так-то просто выпить яд. На это еще надо решиться. Очевидно, при определенном возбуждении нервной системы смерть кажется желанной, – закончил мысль врача начальник сыскного отдела.

Второй сыщик спросил:

- Господин начальник, вероятно, здесь не имело места насильственное принуждение к самоубийству?

- Думаю, что нет. Одежда в порядке, никаких следов борьбы не видно.

Приняли яд по взаимному согласию.

Он был прав. Женщина лежала так спокойно, словно прилегла отдохнуть, предварительно сняв дзори и аккуратно поставив их рядом. Даже таби не успела испачкаться. Очевидно, это было самоубийство влюбленных, договорившихся вместе покончить счеты с жизнью. Сыщики вздохнули с некоторым облегчением и в то же время почувствовали растерянность - делать им было нечего. Если отсутствует состав преступления, значит, нет и преступника.

На специальных машинах трупы увезли в полицию. С тихого взморья Касии убрали посторонние, мешавшие предметы, и оно снова застыло в лучах холодного зимнего солнца.

В полиции трупы подвергли тщательному осмотру. Фотографировали еще несколько раз, по мере того как снимали одежду.

В кармане пиджака мужчины обнаружили бумажник. Там лежали сезонный билет от Токио до Асакэя и визитные карточки. По ним и опознали покойного. В сезонке значилось:

"Кэнити Саяма, тридцать один год". Визитные карточки давали еще более подробные сведения: "Помощник начальника отдела N. департамента N. министерства M". Далее следовал домашний адрес.

Сыщики переглянулись. В этом отделе министерства как раз раскрыто дело о взяточничестве. Ведется следствие. Газеты пишут об этом каждый день.

- А предсмертной записки не нашли? - спросил начальник сыскного отдела.

Записку искали старательно и дотошно. Но ее не было. В карманах умершего обнаружили деньги - около десяти тысяч иен наличными, носовой платок, рожок для туфель, сложенную вчетверо газету и измятый счет вагона-ресторана.

- Счет вагона-ресторана? Странную вещь хранил, - начальник аккуратно расправил скомканную бумажку. - Дата - 14 января, поезд № 7, обслуживался один человек, общая сумма - триста сорок иен. Счет с грифом ресторана "Токие нихон секудо". Что ел - неизвестно.

3

Женщину тоже опознали. В ее бумажнике, помимо восьми тысяч иен, лежали маленькие женские визитные карточки: "Токио, район Акасака. Ресторан японской кухни "Ко-юки", Токи".

- Очевидно, Токи - это ее имя. По-видимому, официантка из ресторана "Коюки" на Акасака, - сказал начальник. - Самоубийство по сговору.

Влюбленный чиновник и официантка. Что ж, вещь вполне возможная.

Он приказал послать телеграммы по адресам, указанным в визитных карточках.

Судебный врач тоже тщательно освидетельствовал трупы. Никаких внешних повреждений не

было. Причина смерти – отравление цианистым калием подтвердилась. Смерть наступила между десятью и одиннадцатью часами вечера 20 января.

– Значит, решили прогуляться по берегу перед тем, как перейти в лучший мир, – попробовал пошутить один из сыщиков.

– Да-да, видно, насладились жизнью напоследок! Однако при вскрытии не обнаружили следов близости между умершими.

Сыщики удивлялись – подумать только, умерли в чистоте!

– Вероятно, выехали из Токио четырнадцатого, – начальник сыска щелкнул пальцем по счету вагона-ресторана. – Сегодня у нас двадцать первое, значит неделю назад. Где-то отдыхали, а умереть решили у нас, в префектуре Фукуока.

Так-так. Узнайте кто-нибудь, что это за поезд № 7.

Один из сыщиков выяснил, что это экспресс "Асакадзэ" Токио – Хаката.

– Как? Экспресс Токио – Хаката? – начальник задумался. Выходит, прямо из Токио поехали в Хакату. Где же они были целую неделю? Или остановились где-нибудь в Фукуоке, или бродили по Кюсю. Во всяком случае, должен остаться багаж. Надо его найти. Возьмите фотографии и наведите справки в гостиницах!

– приказал он сыщикам.

– Господин начальник, – один из сыщиков подошел к столу, – разрешите взглянуть на счет вагона-ресторана.

Это был тот самый сыщик Торигаи, Дзютаро Торигаи, который ездил на место происшествия.

Он взял счет, тщательно расправил его.

– "Обслуживался один человек"... Выходит, мужчина ужинал один, пробормотал он себе под нос. Но начальник услышал и вметался:

– Ну и что? Может быть, женщина не хотела есть и не пошла в вагон-ресторан.

– Но... – Торигаи пожевал губами.

– Что – но?

– Да, знаете, господин начальник, у них ведь такой аппетит! Пусть сыта по горло, а все равно пойдет за компанию, хоть кофе выпьет.

Начальник засмеялся:

– Ну, может быть, эта уж так наелась, что больше уже никак не могла. Даже за компанию.

Сыщик, казалось, хотел еще что-то сказать, но промолчал и нахлобучил шляпу. Она была такая же обтрепанная, как пальто и костюм. Шаркая стоптанными каблуками, Торигаи вышел.

После полудня нахлынули репортеры. В сыском отделе сразу стало шумно.

Они громко топали, галдели, перебивали друг друга.

- Послушайте, начальник! Как же мы до сих пор ничего не знали?

Оказывается, некий Саяма, помощник начальника одного из отделов министерства М, покончил самоубийством вместе со своей возлюбленной. И мне об этом сообщают из Токио, из главной редакции! Меня даже в жар бросило!

Видно, токийские газеты узнали о случившемся и срочно связались со своими провинциальными отделениями.

4

На следующий день в утренних газетах появилось сообщение о самоубийстве помощника начальника отдела министерства N Кэнити Саяма вместе с возлюбленной. Всполошились буквально все газеты, начиная от самых крупных и кончая провинциальными. Заголовки были напечатаны огромными буквами. Пресса намекала, что это не просто самоубийство влюбленных, что смерть Саямы имеет отношение к делу о взяточничестве в министерстве N, которое расследуется в настоящее время... Приводилось высказывание токийской прокуратуры о том, что Саяму не предполагали вызывать на допрос. Однако, делая свои прогнозы, газеты писали, что помощнику начальника отдела Саяме в любом случае пришлось бы дать свидетельские показания. Очевидно, помимо любовных мотивов, самоубийство вызвано нежеланием вовлечь в дело о взяточничестве высших чиновников...

Кипа этих газет лежала на краю стола начальника сыскного отдела, а сам он изучал содержимое маленького кожаного чемоданчика. После довольно длительных поисков один из молодых сыщиков обнаружил этот чемодан в гостинице "Танбая".

Хозяин гостиницы, взглянув на фотографию, подтвердил, что этот человек у него останавливался. В книге прибывших было записано: "Тайдзо Сугавара, тридцать два года, служащий фирмы. Место жительства - город Фудзисава, улица Минаминакадори, 26. Прибыл вечером 15 января, выехал ночью двадцатого, уплатив по счету". Хозяин сказал, что Сугавара приехал и жил все время один.

Уезжая, оставил на хранение чемодан.

В чемодане не было ничего интересного - смена белья, несессер, несколько иллюстрированных журналов, по всей вероятности купленных в поезде. Ни предсмертного письма, ни записной книжки.

Начальник отложил чемодан и спросил молодого сыщика:

- Говоришь, один остановился?

- Да, так сказал хозяин.

- Гм, странно. А женщина? Где же она была все это время? Экспресс "Асакадзэ" прибыл в Хакату пятнадцатого вечером. До самоубийства прошла почти целая неделя. Что делал этот человек с пятнадцатого по двадцатое?

Неужели никуда не выходил?

- Никуда не выходил, все время сидел в гостинице.

- Может быть, к нему все-таки приходила женщина?

- Нет, хозяин сказал, что никто не приходил. Торигаи, присутствовавший при осмотре чемодана, незаметно ушел. Нахлобучил старую шляпу и выскользнул из комнаты. На улице он вскочил в трамвай. Проехал несколько остановок, сошел, свернул в переулок. Остановился перед домом с вывеской "Гостиница Танбая".

Увидев полицейское удостоверение, управляющий вышел из-за конторки и угодливо поклонился. Проверив сведения, собранные молодым сыщиком, Дзютаро Торигаи решил задать еще несколько вопросов. Приветливо улыбаясь, он спросил:

- Как он выглядел, как держался, когда появился у вас?

- Казался очень усталым. Поужинал и тут же лег спать, - ответил управляющий.

- Скучно ведь целыми днями сидеть в номере. Что же он делал?

- Да ничего особенного не делал. Прислугу беспокоил редко. Книжки читал или валялся. Коридорная и то говорила, что постоялец очень мрачен. Да вот еще - он все время ждал телефонного звонка.

- Ждал звонка? - глаза Торигаи блеснули.

- Да. Предупредил и меня и прислугу, что ему должны позвонить. Просил тут же соединить, как только позвонят. Видно, из-за этого и сидел целыми днями в гостинице.

- Вероятно, - Торигаи кивнул. - И что же, позвонили ему?

- Да. Часов в восемь вечера, двадцатого числа. Я как раз подошел к телефону. Женский голос попросил вызвать Сугавару-сана.

- Гм, да?... Женский голос?... И попросил именно Су-гавару, а не Саяму?

- Да, да. Я тут же соединил эту женщину с ним. Ведь он так ждал. У нас коммутатор, так что можно соединить с любым номером.

- А о чем они говорили, не знаете?

Управляющий слегка усмехнулся:

- Видите ли, у нас не подслушивают телефонные разговоры постояльцев.

Торигаи досадливо щелкнул языком.

- Ну, а потом что было?

- Потом... Говорили они минуту, не больше. Сразу после этого гость попросил счет, расплатился, оставил на хранение известный вам чемодан и ушел. Разве мы могли подумать, что он вместе со своей возлюбленной покончит самоубийством!

Сыщик Торигаи устало опустил голову и, поглаживая обросший щетиной подбородок, задумался.

Саяма целую неделю просидел в гостинице и с нетерпением ждал звонка женщины. А когда

женщина, наконец, позвонила, он куда-то умчался и в тот же вечер покончил с собой. И возлюбленная с ним вместе. Странно, очень странно!

Перед глазами Торигаи всплыл счет вагона-ресторана с надписью "обслуживался один человек". Он пробормотал: "Зачем же он ее ждал? Чтобы вместе умереть?.."

<http://tl.rulate.ru/book/2217/42540>